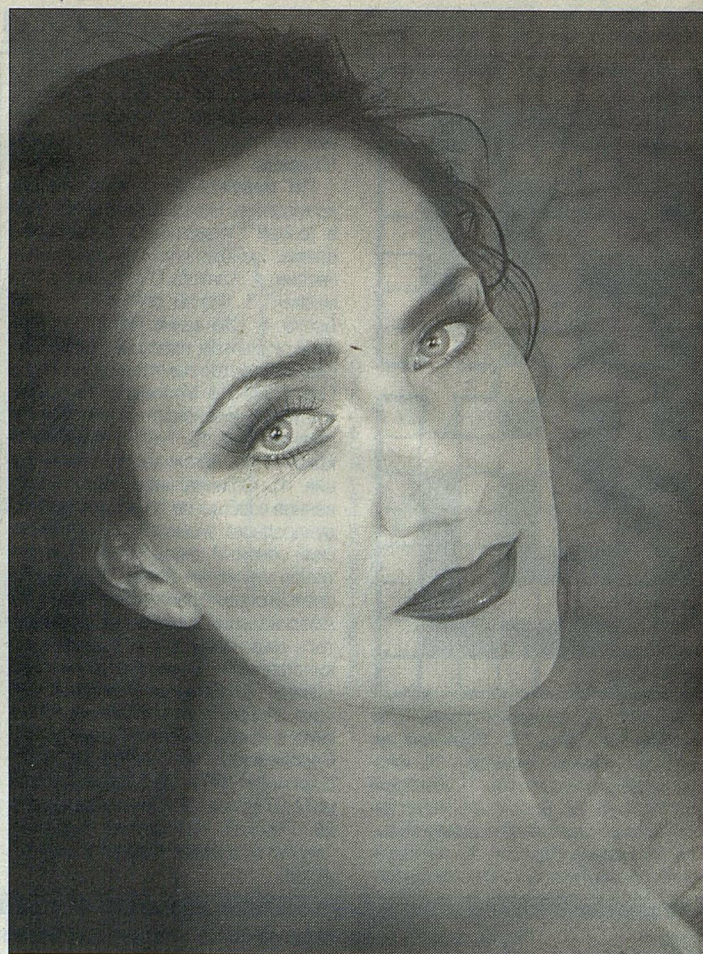

Кукла - 2006 - 27 июля -
2 авг. - с. 11.

Одним из самых сильных впечатлений уходящего сезона стала певица Симона КЕРМЕС (сопрано), исполнившая партию доны Анны в концертной версии "Дон Жуана" под управлением дирижера Теодора Курентзиса, осуществленной продюсерским центром "Classica Viva". Западные критики называют огненно-рыжую красавицу "дивой барочной оперы", отмечая ее мощную энергетику, виртуозную технику и поразительно чистое звучание голоса.

— Госпожа Кермес, график ваших выступлений, как и у большинства востребованных певцов, расписан на несколько лет вперед. Но вы приехали в Москву спеть в "Дон Жуана". Что заинтересовало вас в этом проекте?

— В первую очередь меня заинтересовала роль доны Анны. Я исполняю ее впервые, и спеть дону Анну в год Моцарта было очень интересно, захватывающе и почетно. Я никогда не была в Москве, но очень много слышала о русской публике. Поэтому очень хотела здесь побывать. Кроме того, я решила воспользоваться возможностью поработать с замечательным ансамблем певцов, дирижером Теодором Курентзисом и продюсерским центром "Classica Viva". Каждый раз, когда я вспоминаю реакцию публики после концерта, у меня на глаза наворачиваются слезы. Могу сказать, что такого теплого приема я еще не встречала ни разу в жизни. Московские слушатели могут искренне воспринимать настоящее искусство и настоящую музыку. Мне есть с чем сравнивать, в последние годы объезжала многие страны мира, побывала в Японии, США, Европе, но настолько восприимчивой и открытой публики я не видела нигде. Мне казалось, что во время концерта возникла замечательная атмосфера. Из зала шла настолько позитивная энергия, что это только придавало силы. Как ни странно, если зал переполнен публи-

С. Кермес

кой, петь легче, чем при пустом зале.

— Дона Анна самый загадочный персонаж в "Дон Жуане" Моцарта. Не понятно, встречалась ли она раньше с Дон Жуаном? Почему выбрала дону Оттавио? Как вы относитесь к своей героине?

— В образе доны Анны очень много красок, оттенков и недоговоренности. Прежде чем спеть ее партию, нужно многое для себя объяснить. По-моему, дона Анна совсем не монашка. Я думаю, что, прежде чем связать свою судьбу с доном Отта-

вио, она знала Дон Жуана, встречалась с ним. И поэтому вспышки чувств по отношению к нему возникают у доны Анны неслучайно. Кроме того, у нее самая серьезная партия, самая серьезная по содержанию и по музыкальной форме. Моцарт возлагал на эту роль особые надежды, и она кажется мне гораздо интереснее, чем роль доны Эльвиры.

— Теодор Курентзис привнес в эту партию что-нибудь необычное?

— В первую очередь он добавил во вторую арию доны Анны две ма-

ленькие каденции, которые, я думаю, всем запомнились. Они необыкновенно трудные и написаны Моцартом для исполнительницы роли доны Анны в Вене, певицы Алайзы Ивелли, к которой он испытывал сильную, не остывающую любовь. Я впервые спела их на публике, кажется, это получилось, и это было здорово. Вообще я могу сказать, что мы с Теодором с первого момента нашли взаимопонимание, мы гармонично дополняем друг друга, заряжаясь друг от друга вдохновением. Это потрясающе: с первого момента чувствуешь, что рядом с тобой родственная душа.

— Вы пели старинную музыку с такой энергией и драйвом, как будто это рок. Вы никогда не хотели стать рок-певицей?

— В детстве я хотела стать поп- или рок-певицей. Честно говоря, это желание появляется у большинства певцов, и только потом понимаешь, что нужно заниматься музыкой, связанной с возможностями твоего голоса. В любом случае я черпаю вдохновение не в классике, а в поп- и рок-музыке. Когда я дома, я постоянно включаю разные записи. "Рамштайн", Иго Расса, Бьорк дают энергетический заряд.

— Почему вы стали заниматься именно старинной музыкой?

— Трудно сказать, я выбираю старинную музыку, или она выбирает меня. Это тот репертуар, в котором я пользуюсь успехом. Мне предлагают интересные проекты, и я строю репертуар так, чтобы исполнять как можно больше старинной музыки, особенно произведений эпохи барокко. Я их особенно люблю именно потому, что в них очень много общего с рок-музыкой. Например, мне очень нравится Вивальди, потому что в его музыке присутствует настоящий свинг.

— Вы работали с такими известными дирижерами, как Курт Мазур, Элан Кертис, Риккардо Шайи. Что отличает от них Курентзиса?

— Теодор удивительным образом совпал по времени с некоторыми другими дирижерами, которых можно назвать авангардистами. Они движутся

в неизвестном направлении. Я очень надеюсь, что они откроют какую-то новую страницу в истории оперы. К их числу принадлежит Андреа Маркон из Венецианского барочного оркестра. С ним я впервые пела Вивальди, и именно он обратил мое внимание на свинг, который слышат в старинной музыке дирижеры нового направления. Маркон сказал: "Посмотри, сколько свинга в музыке. Пой, как тебе нравится, и все получится". В новом направлении движется молодой немецкий дирижер, ученик Клаудиа Аббадо Кристоф Мюллер (я недавно пела с ним Моцарта), итальянец Клаудиа Озеле — дирижер, с которым начинала Чечилия Бартоли, француз Жан-Кристоф Спинози, с которым я недавно исполняла Вивальди. Как и Теодор, они все немножко "безумные". Совершенно неординарные люди со своей точкой зрения и взглядом на мир. Конечно, это не значит, что все должны работать так, как работают они, это было бы неестественно. Тем, кому не дано почувствовать эту свежую музыкальную струю, лучше не стоит пытаться. Но есть люди, которым это дано. К тому же, помимо способности свинговать в классической музыке, очень важен безупречный профессионализм, владение стилем эпохи и безупречная музыкальная совесть. Дирижер должен подходить к произведению с уважением и с открытым сердцем.

— Вы сами выбирали костюм для доны Анны? Важно ли вам, как вы выглядите на сцене?

— Для меня очень важно, как я выгляжу, особенно на концерте, потому что я часто пою оперы в концертном исполнении, где имеет значение все: это как бы пограничная ситуация между спектаклем и просто концертом. Правильно выбранный костюм добавляет что-то образу, очень часто его корректирует. Если певец скучно одет, это может испортить впечатление от его пения. Я в первый раз надела платье, в котором спела дону Анну. Я купила для него ткань в Сан-Франциско, но долго ничего не могла с ней сделать, потому что не было времени. И вот наконец платье гото-

во, и я очень довольна тем, что дона Анна появилась именно в этом платье.

— Вы сшили его сами?

— Платье сшила моя подруга. В какой-то момент выяснилось, что на придуманный мной фасон не хватает ткани. Дальше началась полная импровизация: одно плечо осталось голым, появился шарф из похожей ткани, который можно по-разному драпировать. Вчера мой шарф покрывал платье как древнегреческая туника, придавая костюму классическую линию. Теодор, как настоящий грек, это оценил.

— Вы рассказали мне о дирижерах, которые движутся в новом направлении. Существуют ли режиссеры, способные помочь обновлению оперы?

— Многие режиссеры часто ей вредят. Но тем не менее у самых талантливых из них можно многому научиться. В начале моей карьеры мне пришлось срочно выучить роль Астерии в генделевском "Тамерлане", который ставил Петер Конвичный. Работа с ним оказалась на меня очень большое влияние, и я решила, что режиссерский оперный театр всегда такой интересный и захватывающий. Но, поработав с менее значительными режиссерами, я поняла, что это не так. Лет пять лет назад Конвичный пригласил меня на роль доны Анны в "Дон Жуана". Но музыкальный руководитель постановки категорически не хотел меня брать, и поэтому ангажемент не состоялся. Тогда это очень сильно меня огорчило, особенно когда я узнала из рецензий, какое экстремальное решение предложил Конвичный. Но теперь я понимаю, что, даже если бы он настоял, я бы не пела хорошо: не могу петь с дирижером, который меня не признает. Затем я участвовала в современной, смелой, экстремальной версии "Летучей мыши" Штрауса, поставленной немецким режиссером Тильманом Кнабе. В ней моя героиня Розалинда оказалась виновницей всех событий, вся история закручивается вокруг нее. Помню, что публика приняла это неоднозначно, в зале букали, как это делают немецкие слушатели, но мне

все равно очень нравится этот спектакль, и я очень много из него извлекла. Последней интересной работой была опера Генделя "Серой", которую поставил в Нью-Йорке Жорж Лорелли. У нас были очень интересные костюмы и мизансцены.

— Фамилия Кермес по звучанию напоминает венгерские фамилии. Были ли у вас венгерские предки?

— Это фамилия моего первого мужа. Я — чистокровная немка, моя семья произошла из Померании, они жили практически на границе с Польшей. Фамилия моего второго мужа Донельти, он — испанец. Двойная фамилия звучит слишком тяжело, а если я стану Симоной Донельти, все будут думать, что я испанка.

— Ваш муж певец?

— Он музыкант, играет на гитаре.

— Вы выросли в музыкальной семье?

— Нет, в обычной. Я помню, что моя бабушка пела, а родители нет. Их уже нет в живых. Отец рано умер, мне было тогда всего двенадцать лет, и не застал моего становления как музыканта. Но мне кажется, что он был очень гордился мной, потому что он очень радовался, когда я начала петь в детском хоре. Моя мать поддерживала меня в моих начинаниях, но мне пришлось нелегко. Я училась в Лейпциге, но там мне не нашлось работы. Я переехала в Веймар, где мне предложили учиться на драматическую актрису, потом опять вернулась в Лейпциг. Мой путь не был усеян розами... К сожалению, очень рано ушли из жизни очень родные и близкие мне люди: родители, учитель пения. Но они живут у меня в сердце. Когда я пела дону Анну в Москве, я чувствовала, что меня слышит мама, это придавало мне силы. Я прошла трудный путь и сейчас абсолютно независима финансово и духовно, и можно сказать, что я сама себя сделала. Но чувствую большую ответственность перед теми людьми, которых уже нет рядом.

— То, что вы сами всего добились, повлияло на ваш характер?

— Да, конечно. Я научилась стойко переносить неприятности, разбираться в самой себе, это закалило мой ха-

рактер. Люди очень часто думают, что я очень боевая и могу пробить лбом стену. Я, конечно, умею воевать с окружающим миром, но моя внутренняя ранимость остается со мной. И если происходит что-то плохое со мной или с близкими мне людьми, я очень переживаю... Но я стараюсь не сдаваться и всегда говорить людям правду. Я поняла, что людям очень не нравится ее слышать, не зря говорят, что правдивый человек путешествует по жизни в одиночестве. Но я так устроена, я иначе не могу.

— Что вы будете петь в следующем сезоне?

— Буду выступать с замечательным дирижером Райнхардом Геберем. Он принадлежит к направлению дирижеров-авангардистов, о котором я говорила. Я должна выучить новую ораторию Райнхарда Кайзера, предшественника Генделя, и потом готовиться к своему второму сольному альбому для "Deutsche Grammophon". Я записываю оперные арии Вивальди, которые практически никто не знает. Мне хотелось бы записать альбом поп-песен, но нет времени, появляется множество партий, которые нужно учить, много новых людей и предложений. Главное, чтобы на все хватило времени. В январе 2007 года буду выступать в Карнеги-холле с Венецианским барочным оркестром. А сейчас с нетерпением жду каникул: у нас с мужем совпадает время отпусков, и в августе мы будем отдыхать вместе две недели. Хотя все равно придется взять с собой пару партий.

— Вы собираетесь вернуться в Москву?

— Я бы хотела приехать сюда еще раз. Практически мы ничего в Москве не увидели, только обошли Красную площадь, которая была закрыта. Даже не удалось посмотреть на Ленина. Гораздо сильнее впечатление от ночной московской жизни: после концерта мы поехали в клуб и провели там всю ночь. Я поняла, что Москва очень оживленный город, где очень интересно жить.

Беседу вела
Ольга РОМАНЦОВА